

товары. Как следует собрался: сперва фуфаечку одел, потом жилет обыкновенный, за ним—кожаный, потом пиджак, потом пальто, на все на это—николаевку на смушках, а сверх всего—брезентный плащ. Ну что-же, что месяц Май, а в Мае разве снегу не бывает? Тепло оделся. А когда заехал в контору, чтобы на почту передать пакет,—так всей конторской сворой заорали;

— Досвиданья Августа Августович! Вероятно, отыскивать восточный полюс едете?!. Кланяйтесь от нас гиппопотамом!

— Вам нужно еще зонтик не забыть!

— Что-же вы на воз только подушки положили—класть тах и перину нужно класть.

И сам администратор. Коммунист ведь и серьезность корчит, а туда-ж, к мальчишкам;

— А что у Вас, Август Августович, в этом чемодане (и руки на сажень) должно быть карандашик и клочек бумаги?

Народец—нечего сказать.

Лоскут 23-й. Приятель.

Один только главбух и человек, как человек. По—долгу бывало беседовал с ним Август Августович. То пошутят, а то и дельно поговорят. Про старое и новое большею частью говорили. Задумается иногда Николай Петрович, мечтательно, а потом начнет.

— Да... скоро нас—стариков коммунисты всех омолодят. Скоро всех пошвырнут кавуны стеречь. По прежнему я бы теперь на пенсии у графа был. Любовался-бы теперь под кипарисной тенью Черным морем и слушал вальс „Ласкай меня как я хочу“, а теперь если выкинут—и кипарисный крест...

— Да... согласится Август Августович, раньше таким людям, Николай Петрович, как мы с вами, почет был. Ведь геммороем и катаррами достигались наши положения, а теперь—все мальчишек безграмотных суют.

Тонко распускает паутину Николай Петрович.

— Не нужно дураками быть. Через три—четыре года непартийному не будет места. Наше с ваши дело заботиться о прозапасе. Вы приходите сегодня ко мне чай пить.

Лоскут 24-й. Чай.

Рассеянно болтает ложечкой в стакане Август Августович, а одноглазый главбух бесом—искусителем бубнит.

— Конечно, если быть орлом стервятником—украсть мешок, то в случае чего,—засудят. А если быть ягнятником и свистнуть мешочков сто—можно быть покойным—ничего не будет: везде замажем. А человек надежный есть—плантатор. Раньше десятин по полторасто сеял.

Бойтся Август Августович.

— Страшно, Николай Петрович. А вдруг в тюрьму? и расстрелять ведь могут?!